

КРИСТИНА
КАШОР

ОДАРЕННАЯ
ОГНЕННАЯ
СЕРДЦЕ КОРОЛЕВЫ

КРИСТИНА КАШОР

СЕРДЦЕ КОРОЛЕВЫ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
К 31

Kristin Cashore
BITTERBLUE
Copyright © 2012 by Kristin Cashore
All rights reserved

Перевод с английского Алины Курышевой
Оформление обложки Виктории Манацковой
Карты выполнены Антоном Васильевым

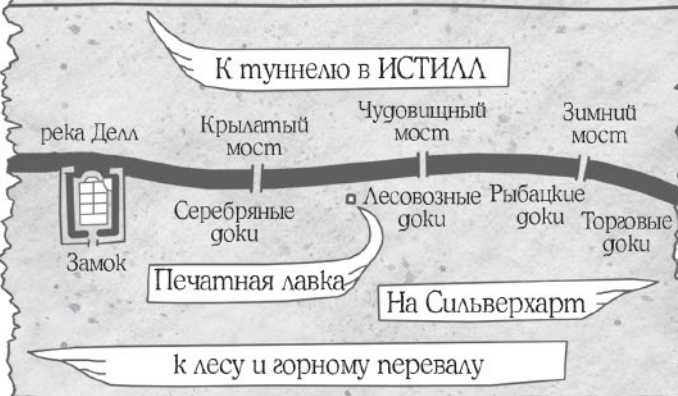
ISBN 978-5-389-16126-9

© А. А. Курышева, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

*Эта книга
всегда предназначалась Дороти*

БИТТЕРБЛУОН

с локациями восточного города

СЕМЬ
КОРОЛЕВСТВ

Пролог

Когда он вот так хватается маму за запястье и тащит к гобелену, это, наверное, больно. Мама не вскрикивает. От него она скрывает боль, но оглядывается на меня, чтобы я все прочла у нее на лице. Если отец поймет, что ей больно и я это вижу, он прогонит ее боль и заменит чем-нибудь другим.

Он скажет маме: «Дорогая, все хорошо. Тебе не больно, ты не боишься» — и я увижу в ее глазах сомнение, первый намек на замешательство. Он скажет: «Погляди на наше прекрасное дитя. На эту прекрасную комнату. Мы так счастливы. Все хорошо. Пойдем со мной, дорогая». Мама ответит озадаченным взглядом, а потом посмотрит на меня, на свое прекрасное дитя в прекрасной комнате, и ее взгляд станет спокойным и пустым, и она улыбнется нашему счастью. Я тоже улыбнусь, потому что мой разум не сильнее маминого. И скажу: «Желаю вам хорошо провести время! Возвращайтесь скорее!» Тогда отец вынет ключи, которыми отпирается дверь за гобеленом, и мама скользнет в проем. Тиэль, высокий, хмурый, неуверенно стоящий посреди комнаты, бросится за ней, а следом удалится отец.

Когда за ними щелкнет замок, я еще постою на месте, пытаясь вспомнить, что делала до того, как все это случилось. До того, как Тиэль, первый отцовский советник, вошел в мамины покои в поисках отца. До того, как он, вытягивая руки по швам с таким усили-

ем, что они тряслись, попытался о чем-то доложить отцу, а тот разозлился. Вскочил из-за стола, разметав бумаги и уронив перо, и сказал: «Тиэль, ты глупец, неспособный принимать разумные решения. Идем с нами сейчас же. Я покажу тебе, что бывает, когда ты начинаешь думать своей головой». А потом подошел к дивану и схватил маму за запястье так резко, что она ахнула и уронила вышивку, но не вскрикнула.

— Возвращайтесь скорее! — весело говорю я вдогонку, и потайная дверь закрывается за ними.

Я стою и таращусь в грустные глаза небесно-голубой лошади на гобелене. За окнами бушует снег. Я пытаюсь вспомнить, что делала до того, как все ушли.

Что сейчас было? Почему я не могу вспомнить, что сейчас было? Почему я чувствую себя так...

Числа.

Мама говорит: когда я запуталась или не могу чего-то вспомнить, надо решать арифметику, потому что числа — это спасательный круг. Она выписала мне задачки, чтобы были под рукой на такой случай. Вот они, рядом с бумагами, которые отец исписывал своим смешным витиеватым почерком.

Превратить «сорок шесть» в «тысячу пятьдесят восемь».

На бумаге я бы решила такой пример за две секунды, но мама всегда велит решать в уме. «Очисти разум от всего, кроме чисел, — говорит она. — Представь, что вы с ними остались наедине в пустой комнате». Она научила меня хитростям. Например, «сорок шесть» — это почти «пятьдесят», а «тысяча пятьдесят восемь» — чуть больше, чем «тысяча». «Пятьдесят» входит в «тысячу» ровно двадцать раз. Я отталкиваюсь от этого и продолжаю. Через минуту мне становится ясно: чтобы превратить «сорок шесть» в «тысячу пятьдесят восемь», нужно умножить его на «двадцать

три». Я решаю еще одну задачку. «Семьдесят пять» — в «две тысячи восемьсот пятьдесят». Нужно умножить на «тридцать восемь». И еще одну. «Тридцать два» — в «тысячу шестьсот», умножаем на «пятьдесят». Ах! Хорошие числа выбрала мама. Они пробуждают память и рассказывают историю, ибо пятьдесят лет — это отцовский возраст, а тридцать два — мамин. Они женаты четырнадцать лет, а мне девять с половиною. Мама была лионидской принцессой. Отец явился с визитом в островное королевство Лионид и выбрал ее, когда ей было всего восемнадцать. Привез сюда, и она еще ни разу не возвращалась. Она скучает по дому, по отцу, по братьям и сестрам, по брату Рору — он там король. Иногда мама заговаривает о том, чтобы отправить меня туда. Говорит, там я буду в безопасности, и я прикрываю ей рот ладонью, зарываюсь рукой в ее шали и прижимаюсь к ней, потому что не оставляю ее.

Выходит, здесь я не в безопасности?

Числа и история очищают мой разум, и мне кажется, будто я падаю. Дыши.

Отец — король Монси. Никто не знает, что у него разноцветные глаза Одаренного. Никто не любопытствует об этом, ибо под его повязкой скрыт ужасный Дар: его слова затуманивают разум, и ты веришь всему, что он ни скажет. Обычно он врет. И потому сейчас числа в моем разуме ясны, но все остальное — будто подернуто дымкой. Отец только что врал.

Теперь я понимаю, отчего сижу в комнате одна. Отец увел маму и Тиэля в свои покои и делает с Тиэлем что-то страшное, чтобы он научился быть послушным и больше не приходил к отцу с вестями, которые его злят. Что именно страшное, я не знаю. Отец никогда не показывает мне, что делает, а мама никогда не вспоминает настолько четко, чтобы получилось рассказать. Она настрого запретила мне увязываться за

отцом. Мама говорит: когда у меня появляется желание пойти за отцом вниз, я должна выкидывать его из головы и решать задачки. Говорит, если послушаюсь, она отправит меня в Лионид.

Я стараюсь. Правда стараюсь. Но у меня не выходит остаться наедине с числами в пустой комнате, и я вдруг начинаю кричать.

Следующее, что помню, — я бросаю отцовские бумаги в огонь. Бегу к столу, набираю охапку, спотыкаюсь о ковер, швыряю их в пламя, кричу, глядя, как исчезают причудливые и прекрасные чернильные завитки. Криком прогоняю их в небытие. Спотыкаюсь о мамино рукоделие — о простыню с пестрыми рядами крохотных вышитых звезд, лун, замков; веселых, сочных цветов, ключей и свечек. Я ненавижу эту вышивку. Это лживая завеса счастья, в котором маму убеждает отец. Тащу ее к огню.

Когда отец с грохотом распахивает тайную дверь, я все еще стою посреди комнаты и кричу изо всех сил, а в дымном воздухе висит отвратительный, вонючий шелковый дух. Угол ковра горит. Отец тушит его ногой. Хватает меня за плечи и трясет так сильно, что я прикусываю язык.

— Биттерблу! — Он не на шутку испуган. — Ты обезумела? Ты же могла задохнуться!

— Я тебя ненавижу! — кричу я и плюю кровью ему в лицо.

Дальше случается что-то донельзя странное: его незакрытый глаз загорается, и отец начинает смеяться.

— Ты меня не ненавидишь, — говорит он. — Ты любишь меня, а я люблю тебя.

— Я тебя ненавижу, — повторяю я, но уже сомневаюсь.

Я запуталась. Отец обвиняет меня руками.

— Ты любишь меня, — говорит он. — Ты моя замечательная, сильная, дорогая доченька, и однажды ты станешь королевой. Тебе ведь хочется быть королевой?

Я обнимаю отца, который стоит передо мной на коленях в дыму посреди комнаты — такой большой, такой уютный. Отцовские объятия теплые и приятные, хотя рубашка пахнет странно, чем-то сладким и гнилым.

— Королевой всего Монси? — спрашиваю с восхищением.

Слова во рту ворочаются неловко. Язык болит. Я не помню почему.

— Однажды ты станешь королевой, — говорит отец. — Я научу тебя всему важному, ибо мы должны подготовить тебя. Тебе придется усердно трудиться, моя Биттерблу. У тебя нет моих преимуществ. Но я тебя вылеплю, хорошо?

— Да, отец.

— И ты всегда-всегда должна меня слушаться. Если еще раз испортишь мои бумаги, Биттерблу, я отрежу твоей матери палец.

Это сбивает меня с толку.

— Что? Отец! Не нужно!

— А в следующий раз, — продолжает отец, — я дам нож тебе, и *ты* отрежешь ей палец.

Снова падаю. Я в небе — один на один со словами, которые только что сказал отец, и оттуда низвергаюсь в глубины понимания.

— Нет, — уверенно отрезаю я. — Ты не сможешь меня заставить.

— Думаю, ты знаешь, что смогу. — Он привлекает меня к себе, сжимая мне руки выше локтей, поймав в ловушку своим объятием. — Ты — моя сильная, умная девочка, и, думаю, ты точно знаешь, на что я спо-

собен. Так что давай дадим друг другу обещание, дорогая? Давай поклянемся с этого момента быть честными друг с другом? Я сделаю тебя самой великой королевой.

— Ты не заставишь меня тронуть маму.

Отец заносит руку и бьет меня по лицу. Ослепленная, хватаю ртом воздух — упала бы, если бы он не держал меня.

— Я могу заставить кого угодно сделать что угодно, — говорит он абсолютно спокойным голосом.

— Ты не сможешь заставить меня обидеть маму! — кричу я, хотя лицо горит, а из глаз и носа течет. — Когда-нибудь я стану большая и убью тебя.

Отец снова смеется.

— Солнышко мое, — произносит он, снова силой притягивая меня к себе. — О, погляди только, как ты идеальна. Ты будешь моим шедевром.

Когда через потайную дверь входят мама и Тиэль, отец шепчет мне на ухо, а я лежу щекой на его теплом плече, и мне так спокойно в его объятиях... Только непонятно, почему комната пахнет дымом и почему у меня так болит нос.

— Биттерблу? — зовет мама.

В ее голосе звучит страх. Я поднимаю к ней лицо. Ее глаза распахиваются широко-широко, она подходит ко мне и отрывает от отца.

— Что ты наделал? — шипит она на него. — Ты поднял на нее руку. Животное. Я убью тебя.

— Дорогая, не говори ерунды. — Отец встает, нависая над нами.

Мы с мамой такие маленькие, так тесно прижимаемся друг к другу, и я удивляюсь, почему мама злится на отца.

— Это не я ее ударил, а ты, — говорит он.

— Это неправда, — возражает мама.

— Я пытался остановить тебя, — продолжает отец, — но не смог, и ты ее ударила.

— Тебе никогда не убедить меня в этом.

Ее слова ясны, а прекрасный голос звучит музыкой в груди, к которой прижимается мое ухо.

— Интересно, — говорит отец и мгновение изучает нас взглядом, наклонив голову, а потом добавляет: — Очаровательный возраст, не правда ли? Пора мне познакомиться с дочкой поближе. Мы с Биттерблу начнем индивидуальные уроки.

Мама поворачивается, становясь между мною и отцом. Ее руки вокруг меня — словно железные прутья.

— Не начнете, — говорит она отцу. — Убирайся. Убирайся из моих покоев.

— В самом деле, интереснее некуда, — повторяет отец. — А если я скажу, что ее ударил Тиэль?

— Это ты ее ударил, — говорит мама, — и теперь ты уйдешь.

— Восхитительно! — восклицает отец и приближается к ней. Его кулак появляется из ниоткуда, врезается ей в лицо, и она падает на пол — и я снова падаю, но на этот раз уже взаправду, падаю на пол вместе с мамой. — Можете не спешить, когда будете тут прибираться, если желаете, — замечает отец, нависнув над нами и потыкав носком сапога. — Мне нужно кое о чем поразмыслить. Мы продолжим беседу позже.

Отец уходит. И вот уже Тиэль стоит на коленях, наклонясь к нам, и на нас льются кровавые слезы из свежих порезов, которые у него откуда-то появились на обеих щеках.

— Ашен, — шепчет он. — Ашен, мне так жаль. Принцесса Биттерблу, простите меня.

— Ты ее не трогал, Тиэль, — глухо произносит мать, поднимаясь, сажая меня к себе на колени, и качая, и шепча слова любви. Я цепляюсь за нее и плачу. Всюду кровь. — Прошу, помоги ей.

Крепкие, нежные руки Тиэля касаются моего носа, щек, подбородка, полные слез глаза оглядывают лицо.

— Ничего не сломано, — говорит он. — Позвольте мне теперь взглянуть на вас, Ашен. О, что же я натворил.

Мы трое сидим кучкой на полу, прижавшись друг к другу, и плачем. Весь мой мир — в словах, которые шепчет мне мама. Когда она снова обращается к Тиэлю, ее голос звучит устало.

— Ты не сделал ничего такого, что было бы в твоей власти, Тиэль. И не ты ударил ее. Все это — дело рук Лека. Биттерблу, — окликает меня мама, — твой разум чист?

— Да, мама, — шепчу я. — Отец ударил меня, а потом ударил тебя. Он хочет сделать из меня идеальную королеву.

— Мне нужно, чтобы ты была сильной, Биттерблу, — говорит мама. — Сильнее, чем когда-либо, потому что скоро все станет еще хуже.

Часть первая

ИСТОРИИ И ЛОЖЬ

(Почти девять лет спустя, август)

Глава первая

Королева Биттерблу никогда не думала, что придется столько лгать стольким людям.

Все началось с дела Высокого суда о безумце и арбузах. Человек этот, по имени Айвен, жил у реки Делл в восточной части города, неподалеку от торговых доков. С одной стороны от его дома располагалась мастерская по резьбе и гравировке на надгробиях, а с другой — соседские арбузные грядки. Каким-то образом Айвен ухитрился под покровом ночи заменить все до единого арбузы на участке соседа надгробными камнями, а камни во дворе мастерской — арбузами. Затем он подсунул соседям под двери зашифрованные указания, дабы вынудить их пуститься на розыски пропавшего добра. Это оказалось бессмысленно в одном случае и излишне в другом, так как горожанин, выращивавший арбузы, читать не умел, а резчица надгробий прямо с порога прекрасно видела, что ее камни высажены на арбузных грядках через участок. Виновника оба вычислили моментально, ибо выходки Айвена в округе не были редкостью. Всего месяц назад он украл соседскую корову и затащил ее на крышу свечной лавки еще одного соседа, где она горестно мычала, пока наконец кто-то не поднялся ее подоить. Там ей пришлось провести несколько дней — никогда еще ни одна скотина в королевстве не оказывалась на такой высоте и, пожалуй, в таком замеша-

тельстве. А тем временем немногие грамотные жители улицы пыхтели над загадочной инструкцией Айвена, сооружая систему рычагов, чтобы спустить несчастное животное на землю. Айвен был по призванию конструктором.

И не простым: именно он в годы правления Лека спроектировал все три городских моста.

Биттерблу, сидя за высоким столом Высокого суда, слегка досадовала на советников, в чьи обязанности входило решать, какие судебные дела стоят времени королевы. Ей казалось, они вечно заставляют ее выслушивать самые дурацкие споры королевства, а как только проклевывается что-то любопытное, загоняют в кабинет.

— Звучит как простейшая жалоба о нарушении общественного порядка, разве нет? — обратилась она к четырем мужчинам слева и четырем справа — судьям, которые поддерживали ее, когда она участвовала в слушаниях, и вели дела в ее отсутствие. — Если так, я доверяю вам разобраться самостоятельно.

— Кости, — буркнул судья Куалл, сидящий по правую руку от нее.

— Что?

Судья Куалл бросил на Биттерблу тяжелый взгляд, а затем столь же мрачно уставился на судящиеся стороны, которые стояли перед помостом в ожидании разбирательства.

— Любой, кто заикнется в ходе процесса о костях, будет оштрафован, — сказал он строго. — Не хочу слышать ни единого упоминания о них. Ясно?

— Лорд Куалл, — прищурилась Биттерблу, пристально изучая его. — О чем это вы?

— На недавнем бракоразводном процессе, ваше величество, — пояснил Куалл, — обвиняемый почему-то не переставая бормотал о костях, будто с ума спятил,

и я не желаю, чтобы мне снова ими докучали! Это весьма неприятно!

— Но вы же постоянно судите убийц. Не может быть, чтобы не привыкли к разговорам о костях.

— Это дело об арбузах! Арбузы — существа беспозвоночные! — рявкнул Куалл.

— Ладно, хорошо, — поспешно сказала Биттерблу и потерла лицо, пытаясь стереть с него изумление. — Никаких...

Куалл поморщился.

«Костей, — закончила Биттерблу про себя. — Все с ума сошли».

— В дополнение к заключению моих советников, — сказала она, вставая, — тех, кто живет на улице Айвена возле торговых доков и не умеет читать, обучат грамоте за счет короны. Это ясно?

Ее слова были встречены молчанием столь глубоким, что она испугалась; судьи глядели на нее в тревоге. Биттерблу мысленно повторила сказанное: людей обучат грамоте. Что здесь такого странного?

— Вы вольны сделать подобное заявление... — сказал Куалл. — Ваше величество, — добавил он.

В каждом слове его сквозил намек на нелепость ее слов. С чего этот снисходительный тон? Она отлично знала, что вольна — и точно так же вольна отстранить любого судью, которого захочет убрать с должности. Хозяин арбузных грядок тоже смотрел на нее с выражением глубокого недоумения. От ухмыляющихся лиц, видневшихся у него за спиной, по шее Биттерблу пополз жар.

«Вечно так в этом суде: все остальные ведут себя словно безумцы, а потом, когда я предлагаю им что-нибудь абсолютно здоровое, делают вид, будто это я сошла с ума».

— Позаботьтесь об этом, — сказала она Куаллу и поспешила сбежать.

К двери за помостом Биттерблу шла расправив узенькие плечи, держась прямо и гордо, хотя чувствовала себя совсем иначе.

В башне, в ее круглом кабинете, были распахнуты окна, небо окрашивалось в закатные тона, а советники выглядели отнюдь не довольными.

— Наши ресурсы не безграничны, ваше величество, — сказал Тиэль. Стальные волосы, стальные глаза — он стоял перед ее столом, будто ледяная глыба. — Подобное заявление, однажды обнародованное, трудно взять назад.

— Но, Тиэль, зачем же брать его назад? Неужели должно спокойно слушать, что на востоке есть улица, жители которой не умеют читать?

— В городе всегда найдется кто-нибудь, кто не умеет читать, ваше величество. Едва ли этот вопрос требует прямого вмешательства короны. Теперь вы создали прецедент, из-за которого все решат, будто при дворе обязаны обучать любого, кто обратится к нам и заявит о своей неграмотности!

— У моих подданных *должна* быть возможность к нам обратиться. Мой отец тридцать пять лет делал все, чтобы они не получали образования. В их неграмотности повинна корона!

— Но у нас нет ни времени, ни средств обучать каждого индивидуально, ваше величество. Вы не школьная учительница; вы — королева Монси. И сейчас людям нужно видеть в вас королеву, чувствовать, что они в надежных руках.

— Так или иначе, — вмешался советник Раннемуд, сидевший на окне, — читать умеют почти все. А вам, ваше величество, приходило в голову, что тот, кто не умеет, может и не хотеть? У жителей улицы Айвена хватает дел — к тому же у них есть семьи, которые нужно кормить. Где им найти время для уроков?

— Откуда мне знать? — воскликнула Биттерблу. — Разве я хоть что-нибудь знаю о нашем народе и его делах?

Иногда, сидя за столом посреди комнаты, она чувствовала себя отчаянно потерявшейся: он был такой огромный, а она такая маленькая. Биттерблу слышала каждое слово, которое они тактично не высказали: она выставила себя на посмешище; доказала, что королева молода, глупа и наивна и совсем не понимает своей роли. Но в тот миг ее повеление казалось мудрым... Неужели инстинкты ее совсем подвели?

— Все хорошо, Биттерблу, — сказал Тиэль уже мягче. — Можем закрыть эту тему.

Он обратился к ней по имени, отбросив титул. В этом сквозила доброта. Ледяная глыба показывала готовность уступить. Биттерблу посмотрела старшему советнику в глаза и увидела, что он встревожен — беспокоится, не слишком ли был резок.

— Я больше не буду делать заявлений, не посоветовавшись с тобой, — прошептала она.

— Вот и все, — облегченно вздохнул Тиэль. — Видите? Это мудрое решение. Мудрость подобает королеве, ваше величество.

Еще, должно быть, с час Тиэль держал ее в заточении за кипами бумаг. Раннемуд, наоборот, бродя от окна к окну, ахал над розовыми лучами заходящего солнца, покачивался на носках и отвлекал рассказами о донельзя счастливой жизни неграмотных людей. К счастью, он наконец отправился на вечернюю встречу с городскими лордами. Раннемуд был приятным мужчиной и полезным советником, самым искусным мастером отваживать министров и лордов, которые донимали Биттерблу просьбами, жалобами и выражениями преданности. Но — только потому, что сам знал, как быть напористым в речах. Его младший брат

Руд тоже был советником Биттерблу. Братьям, как и Тиэлю, и ее секретарю, и четвертому советнику, Дарби, было лет по шестьдесят. Раннемуд на свой возраст не выглядел. В отличие от остальных. Все четверо в прошлом были советниками Лека.

— Нам сегодня кого-то не хватает? — спросила Биттерблу Тиэля. — Я не помню, чтобы видела Руда.

— Руд сегодня отдыхает, — объяснил Тиэль. — А Дарби нездоров.

— А.

Понятно. Кодовые слова: у Руда случился очередной нервный срыв, а Дарби пьян. Она на мгновение уткнулась лбом в стол, боясь, что иначе рассмеется. Что подумал бы дядя, король Лионида, увидь он сейчас ее советников? Король Рор подобрал этих людей, исходя из их опыта, решив, что они наиболее сведущи в том, как следует восстанавливать Монси. Удивился бы он теперь их поведению? Или собственные советники Рора были столь же колоритными личностями? Быть может, так повелось во всех семи королевствах.

И возможно, это не имело значения. Если говорить о работоспособности советников, жаловаться было не на что — разве только на ее избыток. Доказательством тому служили кипы бумаг, ежедневно, ежечасно громоздящиеся у нее на столе: собранные налоги, вынесенные судебные решения, предложенные наказания, принятые законы, выданные городам хартии, — все больше и больше, пока пальцы не начинали пахнуть бумагой, а глаза — слезиться от одного ее вида. В висках порою словно били молоты.

— Арбузы, — выдохнула Биттерблу в крышку стола.

— Ваше величество? — озадачился Тиэль.

Биттерблу поправила тяжелые косы, оплетавшие голову, потом выпрямилась:

— Я даже не знала, что в городе растут арбузы, Тиэль. Можно мне взглянуть на них в следующий ежегодный осмотр?

— Мы бы хотели, чтобы следующий осмотр совпал с визитом вашего дяди этой зимой, ваше величество. Я не специалист по арбузным грядкам, но не думаю, что на них интересно смотреть в январе.

— Нельзя ли мне съездить на осмотр сейчас?

— Ваше величество, на дворе разгар августа. Где, как вы считаете, нам найти время для такого события в августе?

Небо вокруг башни было цвета арбузной мякоти. Высокие часы на стене отсчитывали убегающие мгновения вечера, за стеклянным потолком над головой стучались пурпурные сумерки. Сияла одинокая звезда.

— Ох, Тиэль, — со вздохом сказала Биттерблу. — Уйди, прошу тебя.

— Я уйду, ваше величество, — сказал Тиэль, — но сначала хочу поговорить о вашем браке.

— Нет.

— Вам восемнадцать, ваше величество, и у вас нет наследника. Из шести королев у нескольких есть незамужние сыновья, среди них — два ваших родича...

— Тиэль, если ты снова начнешь перечислять принцев, я брошу в тебя чернильницей. Если я услышу их имена хотя бы шепотом...

— Ваше величество, — совершенно невозмутимо перебил Тиэль, — мне вовсе не хочется вас расстраивать, но это реальность, и ее необходимо принять. Когда ваш двоюродный брат Скай бывает у нас с дипломатическими визитами, вы отлично ладите. Король Рор приедет в январе и, вполне вероятно, возьмет принца Ская с собой. До того как они явятся, нам придется обсудить ситуацию.

— Во все нет, — сказала Биттерблу, стискивая перо. — Нечего тут обсуждать.

Оглавление

Пролог	9
Часть первая ИСТОРИИ И ЛОЖЬ <i>(Почти девять лет спустя, август)</i>	17
Часть вторая ЗАГАДКИ И БАРДАК <i>(Сентябрь)</i>	119
Часть третья КЛЮЧИ И ШИФР <i>(Конец сентября и октябрь)</i>	307
Часть четвертая МОСТЫ И ПЕРЕПУТЬЕ <i>(Ноябрь и декабрь)</i>	441
Часть пятая МИНИСТЕРСТВО ИСТОРИЙ И ПРАВДЫ <i>(Конец декабря и январь)</i>	569

Кашор К.

К 31 Сердце королевы : роман / Кристина Кашор ; пер. с англ. А. Курышевой. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. – 608 с.

ISBN 978-5-389-16126-9

Когда Биттерблу взошла на трон Монси, она была еще совсем ребенком и страной за нее взялись управлять советники. Но теперь их действия вызывают сомнения у юной королевы. Ей непонятно, почему так старательно замалчивается период власти ее отца, жестокого короля Лека, который обладал Даром манипулировать мыслями людей. Биттерблу понимает: чтобы вести Монси в будущее, необходимо знать его прошлое. И потому, скрыв лицо под капюшоном, девушка по ночам покидает замок и знакомится с собственным городом.

В одной из таких вылазок она встречает двух юношей, которые под покровом темноты крадут удивительные вещи. Быть может, с помощью этих людей Биттерблу найдет ключ к разгадке тайны Лека? К тому же один из друзей – Одаренный, не знающий своего Дара, – кажется, завладел и ключом к ее сердцу.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

КРИСТИНА КАШОР
СЕРДЦЕ КОРОЛЕВЫ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.02.2020. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 31,92.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-ZYA-24554-01-R